

...Ещё он постоянно путал названия места, где родился. В голове почему-то вертелись Ишедей, Искитим и Итуруп, хотя он совершенно не представлял, где географически находится то или иное селение.

По всей вероятности, он путался из-за созвучия— он точно помнил, что в том слове была буква «И», и тоже заглавная.

Вообще, после контузии случались всякие казусы: например иногда он отчётливо слышал, как его окликали по имени, но сколько бы он после этого ни вертел в разные стороны головой, приглядываясь к окружающим, никто в его сторону не смотрел и даже не делал вида, что пошутил над ним.

На этом он не заикливался, на это он почти не обращал внимания, потому что были вещи похуже: он порой выпадал из жизни, как выпадает из люка самолёта десантник, ненадолго, всего на каких-то нескольких секунд; дёрнув кольцо парашюта, он уже полностью возвращался назад, но этот незначительный провал во времени, внезапная, будто воронка от взрыва, чёрная дыра в памяти таили смертельную опасность, ибо в этот миг он был наиболее уязвим.

До сих об этом знала только жена, много лет он умело скрывал от окружающих эти внезапные помрачения; но как-то раз он чуть было не проехал на красный, тогда он применил экстренное торможение, колёса локомотива завизжали так, как будто их стали распиливать болгаркой, из букв полетели оранжевые искры, а помощник, молодой пацан, всегда полуспящий после дискотек, однако не забывающий вовремя докладывать цвет семафора, тотчас встрепенулся и заорал благим матом. Каким-то образом он сумел тогда выкрутиться, наплёл начальству историю о том, что из леса неожиданно выскочил лось и пошёл напрямки через пути, помощник невнятно, но подтвердил, и всё утряслось. Всё же он сходил к начальству и попросил дать ему другого помощника, более опытного; с этим, объяснил он, схватит горя, а ему ещё детей растить.

Умное начальство быстро перевело парнишку к другому машинисту, а с Абильдашем стал работать Егор Квитко, его ровесник, который когда-то тоже был машинистом, но не захотел ранней гипертонии и попросился обратно в помощники.

Легенда про лося сошла за правду, потому что в карьере нередко под колёса думпкаров попадали животные. Одна бригада, например, задавила корову, помощник потом два часа отмывал колёсные пары от налипшей крови, осколков костей и шерсти. Нашёлся, правда, хозяин коровы, написавший жалобу руководству дороги, но ходу ей не дали, потому что вины машиниста не было— он выезжал из-под экскаватора вперёд составом, последние думпкары огибали в это время склон горы, следовательно, несчастной коровы в тот момент никак не мог видеть.

Малоприятное зрелище— видеть задавленное тобой животное; что же касается людей, попадавших под колёса, чаще, конечно, из-за собственной глупости, то это и вовсе трагедия, которая любому, находившемуся в этот миг за пультом управления, могла просто-напросто поломать жизнь...

Они были горными железнодорожниками, вся их жизнь прошла в рудном карьере, где они, как в метро, гоняли свои составы от станции до станции. Кому-то такое однообразие надоедало, многие, с кем они начинали работать, ушли в систему МПС и теперь таскали по всей стране товарные и пассажирские поезда. Другие, как и они, остались, а кто и что из этого выиграл, точно никто не скажет, потому что и там, и здесь заморочек хватало. Что в МПС, что в гоке каждый Божий день— новые приказы, служебные расследования, медицинские осмотры, и каждый день стрессы, специфика в каждом ведомстве своя, зато нервы мотали что там, что здесь одинаково.

Больше всего Абильдаш боялся медицинских осмотров: врачи могли поставить крест на его работе, а кроме как водить поезда, он больше в жизни ничего не умел.

Был, правда, в его биографии момент, когда он мог свернуть с предназначенной судьбой тропы— как раз когда он только демобилизовался. Поздно вечером он возвращался из гостей, и возле дома его встретили три обкуренные личности. Он хотел обойти их, но его дёрнули за руку, останавливая, и это стало роковой ошибкой для всех троих. Одного он уложил сразу ударом в челюсть. Челюсть при этом глухо хрустнула, а личность рухнула как подкошенная. Второго сокрушил носком ботинка в прыжке, а третьего, уже собравшегося бежать,

рубанул ребром ладони по шее—в общем, сделал всё, как учили, не задумываясь, почти автоматически.

Сам вызвал скорую и милицию. Разобрались быстро—пострадавших уголовников хорошо здесь знали. Начальник милиции вцепился в крепкого парня как клещ. «Пойми, такие, как ты, нам во как нужны! Ты же мне десять зелёных заменишь. Квартира? Через месяц будешь жить в новой. Оклад командира взвода, ну а дальше...» Начальник, захлёбываясь, расписывал золотые горы, из которых Абильдаш экскаваторным ковшом будет скоро черпать своё счастье.

Абильдаш был неумолим. «Хватит с меня, я навоевался. Пусть теперь воюют другие».

И начальник грустно пожал плечами, понял, что и почему, и отпустил парня, крепко пожал ему руку на прощание, на все четыре стороны.

И Абильдаш вернулся к своей прежней профессии. Вскоре он закончил курсы машинистов (до того он ездил помощником) и стал водить локомотивы самостоятельно. В это же время он встретил Ольгу, которую полюбил безоглядно, а она ответила ему полной взаимностью. Через год у них родился первый ребёнок—дочка. И пошло—поехало...

И всё бы ничего, но появились эти чёртовы «чёрные дыры», эти внезапные, на первых порах мгновенные, а потом с каждым разом с нарастающей экспозицией, оцепенения. В эти мгновения он замирал, как замирают животные перед смертельной опасностью. Чёрная мгла накрывала его, как внезапная гуча перед грозой. Все чувства и мысли застывали, как студень. Он деревенел, но деревенел внутри. Снаружи он выглядел вполне обычным, только немного сосредоточенным и серьёзным—ну так машинисту, ведущему тяжёлый состав, и следовало выглядеть таким.

—Иваныч, приехали,—услышал он голос Егора Квитко.

Глаза у него были открыты, но зрение вернулось только после того, как его окликнул помощник. Они стояли на станции у выходного семафора, всё было сделано правильно, светофор они не проехали. Егор уже докладывал по рации. Вернувшись снова в знакомый мир, Абильдаш с удивлением увидел, что в нём ничего не изменилось: слева от локомотива—опрокинутые вниз узкими горлышками конусы бункеров с песком, справа—остатки, островки леса, сдерживающего гравийную отсыпь, впереди—продолжение пути по откосу срезанной горы на отвал. Рельсы, уходящие на отвал, отливали густой холодной синевой.

«Интересно,—подумал он,—если бы я не очнулся, всё осталось бы как есть?» Как оказалось, здешний мир в его отсутствие не изменился нисколько.

Это открытие не потрясло его, но слегка опечалило.

—На отвал,—сказал Егор, укладывая трубку рации на место.

В Абильдаше было достаточно силы, чтобы его уважали. В армрестлинге, например, ему не было равных, на городских соревнованиях он переборол всех, в том числе и упрашивавшего пойти к нему на службу начальника милиции, который долгие годы был непререкаемым чемпионом. Абильдаша отправляли на областные соревнования, но он не поехал, потому что в это время заболела дочка, а когда выздоровела, он и вовсе прекратил выступать, посчитав, что лучше будет отдавать больше времени семье, чем тешить зрителей.

К тому же после каждого такого усилия у него начинала ломаться голова, раздирало виски, звенело в ушах. Приходилось принимать лекарства, чего он никогда не любил.

Ольга настойчиво упрашивала лечиться. Он и соглашался, и отказывался одновременно. «Как ты себе это видишь?—упрямо спрашивал он.—Я иду лечиться, а мне тут же врезают диагноз—и всё, прощай, работа! На паперть идти?»—«У тебя же будет пенсия по ранению»,—робко замечала она. «Ноги сломаешь, пока эту пенсию получишь»,—отзывался Абильдаш.

И они оба были правы. Ольга к этому времени была беременна вторым. Врач на УЗИ определил крохотный отросточек, и Абильдаш чувствовал себя гордым и счастливым. Про себя он уже придумал мальчику имя, но с Ольгой пока делиться не стал, чтобы не сглазить.

Весной всё-таки сход случился. Сходы в карьере не редкость: пути старые, шпалы меняют каждый год то на одном участке, то на другом, но сразу все не заменишь, а весной, когда земля оттаивает и начинает дышать, вся железная дорога скрипит и колышет, будто живая.

—Иваныч, тормози!—кричал навзрыд Егор, высушившись по пояс в своё окно.

Но он уже и так перевёл ручку тормоза на экстренное торможение. Пронзительный визг пронёсся вдоль состава. Из-под колёс локомотива в разные стороны летели осколки шпал и щебень. —Ядерная мать!—ругался Егор, бегая вдоль локомотива.—Накрылись выходные.

Было раннее утро, только что рассвело. Лёгкий молочный туман висел над карьером. Растянутая протяжной дугой ось состава застыла, как заклиненная пулемётная лента. Она была неподвижной, холодной и чужой. Вокруг такая же холодная, почти мёртвая тишина. На пятисотом горизонте летают только голодные вороны. Здесь хоть заорись—никто тебя не услышит.

Вместе с локомотивом сошёл и первый думпкар. Он накренился, часть породы из него высыпалась наружу, и теперь, прежде чем начать поднимать вагоны и электровоз, надо было вручную лопатами перекидать щебень, чтобы освободить заваленный

им кузов думпкара. Подошёл Егор, уже добежавший до хвоста состава, сообщил ещё одну неприятную новость: сошли с рельсов последние два думпкара; правда, думает он, «горбушами» поднять их будет можно.

«Горбуши» — это специально изготовленные железные сферы. Крепятся они к шпалам перед сошедшей колёсной парой, при наезде на «горбушу» колесо соскальзывает и устанавливается на рельс. Так сошедшие думпкары поднимают уже много лет.

Но вдвоём им состав не поднять. Абильдаш доложил по радию о сходе.

— К вам уже едет смена, — успокоила его диспетчер. — А комиссия? — мрачно пошутил Абильдаш.

— А комиссия — как только, так сразу, — пообещала без шуток диспетчер.

С прибывшей сменой, то есть вчетвером, свалившиеся думпкары и локомотив подняли только к вечеру. Абильдаш носил на плече «горбуши», помощники приколачивали их к шпалам железными костылями. Комиссия ходила-бродила неподалёку, обсуждая вероятные причины аварии. Конечно, была проверена лента скоростемера. Выяснилось, что машинист вёл состав с большей, чем полагалось на этом участке, скоростью.

Абильдаш написал объяснительную. Начальство с ней ознакомилось... и назначило повторную комиссию. Комиссия за комиссией, измерение тормозного пути, дефектоскопия, расчёты износа шпал... да, а как состояние здоровья бригады? Что-то Абильдашев неважно выглядит, какой-то раздражённый, невпопад отвечает на вопросы. — Что с вами, Сергей Иванович? Вы здоровы? — Я здоров.

— Всё-таки как-то вы не очень выглядите...

— А вы ещё с десяток комиссий пришлите — глядишь, какая-нибудь и вылечит.

Начальство в гоке не слыло глупым — просто оно, как и всякое другое начальство, искало виноватого, а так как виноваты вокруг были все, то ничего другого, как наказать одного, не оставалось сделать. И Абильдашу вlepили выговор, а заодно лишили премии.

— Может, выпьем? — предложил сочувственно Егор.

Абильдаш покачал головой. Это средство было не для него. Когда-то оно помогало, бывало, даже спасало. Там, в Афгане, они спиртом лечили все болезни, даже дизентерию. Но теперь одна случайная рюмка могла унести его в такую мглу и такую бездну, откуда он бы не выбрался и при всей своей силушке.

Тогда, в госпитале в Джалалабаде, всё закончилось благополучно, а мог бы и огрести по полной... Как обычно, пили спирт. Командовал действием и разводил Абильдаш: пополам-напополам. Жидкость в стакане мутнела, он мешал в ней

ложкой, зная, что сразу спирт в воде не растворяется. Вскоре вся палата стала одним сплочённым пьяным организмом. «В атаку! — приказал Абильдаш. — Мочим „дүхов“!» Вся палата высыпала в больничный двор, где гуляли „дүхи“ — выздоравливающие военнослужащие. Их стали ловить, те в испуге разбежались кто куда. «Обходи с флангов!» — орал Абильдаш, прицеливаясь в убежавших из невидимого автомата. Главный врач, изумлённо глядя в окно, вызывал роту охраны. Прибывшая рота быстро скрутила окосевших бойцов. Четыре дюжих охранника принесли Абильдаша в палату и привязали к койке белыми, скрученными в жгуты, простынями. Накануне Абильдашу вручали Красную Звезду. Сам командующий жал ему руку и благодарил за мужество. Абильдаша простили, списали всё на его контузию. Но перед выпиской его вызвал главный врач и в откровенном разговоре предупредил, что спиртное для Абильдаша отныне — табу. «Ни капли, прапорщик, запомни. На всю оставшуюся жизнь — ни капли!» Абильдаш об этом никогда не забывал.

В системе мпс после любых происшествий, и в особенности после того, как волей-неволей приходилось виновных наказывать, бригаде давали отпуск. Водить тяжёлые составы в состоянии депрессии было чревато ещё более непредсказуемыми и грозными последствиями. Важно было дать людям отдохнуть, восстановиться, проанализировать на досуге самим, что с ними случилось, чтобы потом спокойно, без нервов, вернуться и продолжать работать.

Но на этот раз ни Абильдашу, ни его помощнику Егору Квитко отдохнуть не дали. Через два дня они уже загоняли свою «вертушку» под экскаватор. Чтобы выехать из тупика на главный путь, надо было перевести стрелку. Перед стрелкой Абильдаш притормозил, и пока Егор переводил рельсы, он в уме подсчитывал, когда ему нужно будет отключить боковую штангу, чтобы поднять центральный пантограф. В это время замутились стекла электровоза, будто их задёрнули матовыми шторками, не стало слышно работающих двигателей. Слепший и оглохший Абильдаш машинально выключил питание. Криков бранящегося Егора он не слышал, чёрный вакуум всосал его, и, подчиняясь его законам, он нёсся к неведомым загадочным мирам, как неуправляемый астероид.

Очнулся он от того, что в рот ему попала вода, — это напуганный Егор вытирал ему лоб смоченной водой тряпкой.

— Ну, слава Богу, — вздохнул Егор, — очухался. Я уже по радию собирался передать.

— Забудь, — сказал Абильдаш, приподнимаясь в кресле.

Ломило виски, кружилась голова, и вся спина была мокрой — хоть отжимай.

— Я-то забуду, — сказал Егор, — только пора тебе к докторам, Иваныч. Так мы с тобой не навоюем. — Что случилось? — спросил, оглядываясь вокруг, Абильдаш.

— На триста восьмидесятом мы застряли, ты ж всё отключил, а тут разрыв как раз. Пока я стрелку переводил, ты зачем-то боковой отстегнул. Видать, совсем плохо тебе стало.

— Уйдёшь от меня, Егор...

— Я, Иваныч, хоть и не воевал, как ты, но своих тоже не бросаю. Давай лучше покумекаем, как выбираться отсюда будем.

— Спасибо, Егор.

— Да ладно, проехали... Что делать-то будем?

Абильдаш выглянул в окно. До стрелки несколько метров — всего ничего, но как их проехать при отключённом питании? Внезапно он почувствовал лёгкий толчок. Видимо, Егор тоже что-то услышал; высунувшись из окна напротив, он радостно закричал:

— Пошла, родимая!

На этот раз им здорово повезло: именно здесь был небольшой уклон в сторону стрелки, и состав с отпущенными тормозами, подталкиваемый собственной силой тяжести, медленно покатился под лёгкий, невидимый глазу уклон. Через несколько минут они уже были под высоковольтным проводом, подняли пантограф, запустили двигатели и сообщили диспетчеру о готовности.

Дома Абильдаша ждала новость. Паша Жильцов, однополчанин, прислал ему телеграмму — приглашение на свадьбу. Он понял: сама судьба опять подсказывает ему решение, — и стал собираться в дорогу. К тому же Ольга не только не возражала, а, наоборот, помогала ему в сборах с большой охотой, по-женски понимая, как важно сейчас для мужа сменить обстановку.

— Ты только уж не забудь, — целуя его на прощание, попросила ещё раз Ольга.

Это она про лечение ему напоминала. Абильдаш молча кивнул.

Жильцов проживал в большом городе и сам был большим человеком: держал сеть автомагазинов. Друга он встречал на роскошном навороченном «бумере».

— Матьер Божья — Абильдаш! — тряс он за плечи товарища. — Неужели, братуха, встретились?

Абильдаш придерживал широкой ладонью Пашу за галию. Он тоже был счастлив видеть своего товарища, к тому же они с Пашей были кровниками — по разу спасли друг другу жизнь. — Вот он, мой братуха, — гордо показывал Абильдаша своим, как и он сам, здоровым и довольным всем, что происходило вокруг, приятелям, Паша Жильцов, — полумёртвого меня на себе вынес! Разве ж я имел бы сейчас всё это? — кричал он, обводя вокруг себя рукой, показывая свои невидимые владения.

Паша не был ни хвастуном, ни дешёвкой — просто он с самого начала принял правила игры, а главное, не спился. А спилось много — они успели поговорить об этом в машине: из тех полумёртвых и инвалидов, кому повезло выбраться оттуда, половину добила водка.

— Серый умер, Карзан умер, — загибал пальцы Паша, — Птиченко год назад схоронили. Рената помнишь? Тоже врезал на Пасху. Боюсь, из наших, кроме нас с тобой, в области и десятерик не наберётся.

— Где же твоя невеста? — спросил наконец Абильдаш друга.

Мужики расхохотались.

— Ты, братка, не обижайся, — обнял ласково Абильдаша за плечи Паша. — Это я так, для супруги твоей придумал, побоялся, что без веской причины она тебя из дома не отпустит. А свадьбу мы сейчас справим. Кого нынче поженим, мужики? — обратился к приятелям Жильцов. — Славу? Или Вована? Или разом обоих?

Мужики опять весело заржали. Между тем «бумер», затормозив, уткнулся в металлические ворота. Паша пошарил в кармане, что-то нажал, и ворота медленно расползлись в стороны.

Машина въехала на территорию загородного дома.

— А вот и наши пенаты, — провозгласил, выбравшись из машины, Паша.

Абильдаш, как и все машинисты, зарабатывал хорошо. Но его зарплаты хватило бы только на то, чтобы построить фундамент для Пашиного дома. Несколько лет ушло на покупку мебели, которую едва купили, как она в одночасье состарилась, потому что, как и всякая недорогая мебель, была собрана из отходов. «Калдина» у Абильдаша бэушная, ещё в Японии свой срок отъездила, гараж тесный; чтобы сменить резину, надо выезжать наружу — с колесом между машиной и стеной не протиснуться.

А тут один гараж занимал целую сотку!

— Жируешь, Паша, — констатировал Абильдаш.

— Нет, Абильдаш, не жирую, а живу за всех нас. И ты будешь так жить, дай срок, — он наклонился к Абильдашу: — Перебирайся к нам, Серёга. Перебирайся вместе с семьёй. Всё сделаем красиво, вот увидишь.

Абильдаш вспомнил начальника милиции и усмехнулся. Дежавю!

— Ладно, после договорим, — пообещал Паша. — А сейчас все в баню! — зычно скомандовал он.

После бани расположились в столовой на первом этаже Пашиного особняка. Все горячие, говорливые (водку начали пить ещё в бане), шумные. Женщин не было, но они подразумевались.

Абильдаш мучился. Разговор с Пашей не клеился. Надо было настроиться на общую волну,

принять участие, стать своим, но для этого надо было опрокинуть стопку-другую, и тогда бы, конечно, всё пошло как по маслу. А так он больше помалкивал и на Пашины расспросы отвечал междометиями.

Никто из Пашиных орлов к нему не приставал: Паша заранее всех предупредил, что его друг — человек серьёзный и непьющий.

В коллективе между тем становилось всё веселее, кто-то уже звонил по мобильному, договаривался насчёт девочек. Двое рослых парней, расчистив от посуды край стола, боролись на руках.

— Слушай,—вспомнил Паша,—ты же тогда на армейке всех лопил.

— Было дело,—скромно кивнул головой Абильдаш. — Ну-ка, пацаны!—крикнул Паша.—Слушай сюда. Сейчас мой братуха покажет вам мастер-класс.

Парни повернули головы.

Абильдаш дёрнул Пашу за рукав, но тот не отреагировал.

— Бороться будете по олимпийской системе,—продолжал Жильцов, не замечая знаков, которые подавал ему Абильдаш.—Проигравший выбывает. Ну а победителю...—тут Паша, наконец, посмотрел на Абильдаша...—победителю достанется приз. Штука зелёных!

«Эх, Паша, Паша, что ж ты, брат, делаешь?»

Опять же, штука зелёных на дороге не валяется и случайно под ноги не попадает. Он уже давно мечтал купить Ольге золотой браслет. Может, на этот раз получится?

Абильдаш неторопливо засучил рукава. В стане парней оживились. Паша от предвкушения настоящего боя потёр ладони и махнул стопку.

— Один понужаешь?—нахмурил брови Абильдаш.—А брату?

Паша вопросительно посмотрел на него.

— Давай, давай,—поторопил Абильдаш.—Да не эту мензурку,—глядя, как Паша прицеливается налить, остановил он,—наш, боевой, неси.

Паша ушёл и быстро вернулся с гранёным стаканом, который и налил другу до границы—опоясывающей горлышко стакана полоски.

Абильдаш сделал короткий выдох и, не глотая, вылил стакан в желудок.

Парни восхищённо переглянулись. Главный врач госпиталя укоризненно покачал головой, а Ольга горько заплакала.

— Закусывай, Абильдаш,—пододвинул к нему тарелку Паша.

Абильдаш мотнул головой:

— Потом...Ну что, кто первый будет?

Не считая хозяина дома, парней было пятеро. Первых трёх Абильдаш одолел без труда, задержался только на четвёртом, самом жилистом, который упёрся до того, что от натуги лоб его надулся синими, готовыми вот-вот лопнуть, сосудами. Но это ему не помогло, и через минуту он так же, как

и предыдущие три бойца, растирал раздавленную Абильдашем мышцу. Остался последний боец—Вован, детина около двух метров роста, с огромными руками-клевнями, в которых взятая со стола стопка исчезала, как в иллюзионе.

— Ну что, Вован,—сказал напутственно Паша.—Держи марку, ты крайний остался.

Абильдаш мысленно оценил соперника. Вован явно здоровее его, но в армрестлинге рост не является преимуществом, а длинные рычаги—и вовсе слабое звено, они не позволяют сконцентрировать силу в плече. Но Вован был силен, и Абильдаш сразу же почувствовал железное противостояние его клешни. Абильдаш посмотрел в лицо соперника. Вован не морщился, не прикусывал губы—наоборот, он весь лучился добротой и снисходительностью.

«Мать твою,—выругался про себя Абильдаш,—неужели попал?»

Паша внимательно следил за бойцами. Он тоже почувствовал, что Абильдаш упёрся в непреодолимое препятствие, и страдал от раздвоенности чувств: с одной стороны, он желал победы своему пацану, с тем чтобы планка реноме его братков не опустилась до нуля, с другой—по всем законам боевого товарищества он не хотел, чтобы его друг и брат Абильдаш проиграл.

Пока он мучился, Вован перешёл в наступление, рука Абильдаша медленно поплыла в сторону стола. Окружавшие их парни, подбадривая Вована, дружно загалдели.

Вован напрягся, явно стараясь дожать противника, но Абильдаш мысленно приказал организму или победить, или умереть, и все незадействованные до этого мышцы напряжились. Ось маятника выпрямилась. Паша вздохнул и накатил стопку.

Абильдаш вдруг почувствовал, как под столом заёрзали ноги Вована, ища опору. Это был хороший прогностический признак, признак того, что Вован начал сдавать. Незаметно для всех развернувшись, Абильдаш перенёс почти весь свой вес на опорное плечо и начал давить. Вован заелозил по стулу, его рука накренилась до угрожающего градуса, но железа в ней ещё хватало, и Абильдаш, давя из последних сил, успел подумать, насколько всё-таки могуч этот боец. Парни возбуждённо кричали:

— Вован, держись! На кону штука!

Вован слабо улыбался, изнемогая под напором и натиском бывшего прапорщика.

Абильдаш поджал ещё, и где-то далеко, едва слышно, рука Вована хрустнула в локте и опрокинулась навзничь на стол.

— Ай, Абильдаш! Ай, молодец!—закричал Паша.—Сегодня же Громову позвоню, расскажу, как наша пятая армия на «гражданке» всех делает!

Абильдаш улыбался странной улыбкой. Чёрная пелена застила ему глаза, и он ничего вокруг

не видел. Пашины слова он слышал, но смысл не улавливал. Через какое-то время пелена с глаз спала, и он увидел «дúхов», которые, пригнувшись, бежали за дуван. Он выстрелил несколько раз короткими очередями. Пули выбили фонтанчики пыли под ногами «дúхов», не причиняя ни одному из них вреда. Абильдаш грязно выругался. Последний не успевший скрыться за дуваном душман остановился и прицелился в него. Абильдаш нажал на спуск, но автомат заклинило, он молчал, только синяя струйка дыма змеисто струилась из разгорячённого ствола. Он отбросил автомат и стал шарить гранату—гранаты нигде не было. Душман, усмехаясь, подходил к нему, держа на мушке. Рядом мелькнуло раздражённое, злое Пашино лицо. Паша клацал затвором и что-то кричал Абильдашу немым ртом. Пашу заслонил спиной огромный детина. У него тоже были злые глаза и перекошенный рот.

Абильдаш успел подумать, что он где-то видел этого верзилу. Может быть, в другой роте? Времени на воспоминания не оставалось—его со всех сторон окружали «дúхи» с явным намерением взять в плен. Абильдаш напряжился и выпрыгнул навстречу душману, державшему его на мушке. Под пальцами заскрипела худая жилистая глотка. Он начал сжимать её изо всех сил. Душман хрипел, выпучив страшные удивлённые глаза.

— Не надо, Абильдаш!— кричал где-то рядом Паша Жильцов.

«Как бы не так,— мрачно подумал Абильдаш, не ослабевая хватки.— Мёртвому или живому, всё равно башку отрежут, пусть лучше мёртвому...»

Вован вопросительно посмотрел на Пашу.

— Да вали ты его скорей!— в сердцах крикнул Жильцов.

Коротким мощным ударом Вован вырубил Абильдаша. Но тот ещё несколько секунд висел на шее жилистого парня и только потом, отцепившись, грохнулся на пол.

Бледный измученный парень опустился на стул. — Бля,— хрипло сказал он, потирая горло.— Сначала чуть руку не сломал, опосля и вовсе чуть на тот свет не отправил... вот это брательник у тебя, Пахан.

— Заткнись!— оборвал его Паша.— Не сам он тебя, а болезнь его сволочная после контузии на тебя набросилась, понял?

— Ясно море,— согласно подтвердил парень.— Я чего?.. Я не в обиде.

Через месяц похудевший от каждодневных процедур Абильдаш возвратился домой. Кошмары его прекратились, голова стала такой же ясной, как и прежде, до контузии.

Его лечили лучшие профессора, которым Паша Жильцов приносил каждую неделю их месячную зарплату.

— А если мне полностью вылечите братана,— пообещал он,— я вам такой евроремонт отгрохаю— Москва позавидует!

Профессура старалась изо всех сил. Абильдаша лечили дефицитными германскими препаратами, он прошёл сеансы иглорефлексотерапии, гипноза и гешталь-терапии, принимал радоновые ванны, душ Шарко, посещал стоун-массаж и электросон.

— Вы здоровы,— сказал ему при выписке самый главный профессор, без пяти минут академик.— Ну, сами понимаете, есть ряд ограничений, о которых вы никогда не должны забывать. Я буду откровенен: мы не вылечили полностью вашу болезнь, мы только блокировали ту патологическую информацию, которая мешала нормально существовать вашему организму. Если вирус какого-то перенапряжения, будь то стресс или алкоголь (Абильдаш в этом месте грустно усмехнулся), вернётся в вас— он может снова запустить программу заболевания, а каждый последующий рецидив лечить приходится гораздо дольше и дороже, чем предыдущий.

— Я всё понял, профессор. Огромное вам спасибо,— сказал Абильдаш.

Он вернулся домой, похудевший, но совершенно здоровый, с золотым браслетом в кармане. Как раз на день рождения жены. А ещё через месяц у них с Ольгой родился сын, здоровый крепыш— почти на четыре кило, сто грамм до четырёх не дотянул. Прижимая к себе жену с ребёнком, Абильдаш наконец-то вспомнил, что родился он на Урале, в селе с незамысловатым названием Ис.